

УДК 81'272

DOI:10.37892/2713-2951-1-17-25-43

**«ЕЩЕ НЕ РУССКИЕ И УЖЕ НЕ МАРИЙЦЫ»:
ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ, ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ
КИРОВСКИХ МАРИЙЦЕВ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОБСЛЕДОВАНИЯ
В МАРИЙСКОЙ ДИАСПОРЕ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА)**

Марина Васильевна Куцаева

Институт языкознания Российской академии наук, Российская Федерация

Статья посвящена актуальным вопросам этнической идентичности, языка и культуры кировских мариЙцев, проживающих в настоящее время в Москве и Московской области. Материалы основаны на результатах социолингвистического обследования, проведенного автором в мариЙской диаспоре московского региона в 2019–2021 гг. в целях выявления и описания функционирования этнического языка в условиях внутренней диаспоры. Одной из представленных в обследовании этнолокальных групп являются кировские мариЙцы. В работе изучаются языковые биографии респондентов: языки дошкольного воспитания, языки школьного обучения и преподавания, языки внутрисемейного общения, язык общения с соседями, каналы освоения участниками опроса мариЙского и русского языков, преподавание мариЙского языка в системе школьного образования в Кировской области. Кроме того, затрагивается проблема актуального употребления респондентами этнического языка в московском регионе: установлены сферы использования языка, определены функции мариЙского языка, рассмотрен вопрос новых носителей мариЙского языка. В статье приводится сопоставительный анализ результатов с данными, полученными автором относительно представителей других этнолокальных групп мариЙцев в выборке – луговых и горных, а также уральских и башкирских мариЙцев.

Ключевые слова: мариЙский язык, этнический язык, этническая идентичность, сохранность этнического языка, социолингвистическое обследование, внутренняя диаспора, московский регион, кировские мариЙцы

**«NOT YET RUSSIANS AND NO LONGER MARIS»:
ETHNIC IDENTITY, LANGUAGE AND CULTURE
OF THE KIROV MARIS (BASED ON THE RESULTS OF A SURVEY
IN THE MOSCOW REGION MARI DIASPORA)**

Marina V. Kutsaeva

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The article deals with the problem of ethnic identity, language and ethnoculture of the Kirov Maris currently residing in Moscow and the Moscow region. The materials are based on the results of a 2019–2021 sociolinguistic survey conducted by the author in the Mari diaspora of the Moscow region, aimed at identifying and describing the functioning of the ethnic language in internal diaspora. One of ethnolocal groups represented in the survey sampling comprises natives of Kirov region. The present paper examines their linguistic biographies: languages of pre-school and school education, languages of intra-family communication, language of communication with neighbors, ways for Mari and Russian language acquisition, Mari languages classes at schools in Kirov region. The paper dwells upon their current use of Mari: domains of use and functions of the Mari language and covers the problem of new

Mari speakers. The author provides a comparative analysis of the results with the data obtained from other respondents in the sample (Hill, Meadow, Ural, Bashkir Maris).

Keywords: *Mari language, ethnic language, ethnic identity, ethnic language maintenance, sociolinguistic survey, internal diaspora, Moscow region, Kirov Maris*

1. Введение

Марийцы являются одним из автохтонных финно-угорских народов Среднего Поволжья [Марийцы, 2013: 5–7]. На территории Российской Федерации проживают 423 803 марийца, из них в Республике Марий Эл – 246 560 чел. [ВПН, 2020], остальные марийцы (42 % от всего марийского населения РФ) в силу исторических причин (об этом см.: [Сепеев, 2006; Козлова, 1978; Сануков, 2000]) расселены как компактными (Башкортостан, Татарстан, Удмуртия, Кировская, Свердловская, Нижегородская области, Пермский край), так и дисперсными группами во многих других регионах страны, в том числе и в московском.

В 2019–2021 гг. автором статьи было проведено социолингвистическое обследование в марийской диаспоре московского региона в целях выявления и описания функционирования этнического языка в условиях внутренней диаспоры. Материалом исследования стали анкетные данные, полученные в результате опроса ста представителей марийской диаспоры, принадлежащих к первому поколению и проживающих на постоянной основе в Москве или Московской области (величина этнической группы на момент обследования составляла 1325 чел. (г. Москва), 1840 чел. (Московская область) [ВПН, 2020]). Второе поколение в выборке представлено шестью респондентами. Была разработана социолингвистическая анкета, состоящая из нескольких блоков: 1) паспортный; 2) языковые биографии; 3) актуальное использование этнического языка; 4) бытование языка в этнокультуре. В ходе обследования использовался комплекс социолингвистических методов: непосредственное наблюдение, включенное наблюдение, полуструктурированное глубинное интервью респондентов, документальная фиксация ответов, статистический анализ данных (подробнее об этом см.: [Куцаева, 2020a]).

Среди ста представителей первого поколения внутренней диаспоры в выборке пять человек являются уроженцами Уржумского, Кикнурского, Яранского районов Кировской области⁷. «Там... в основном такой куст марийских деревень, они примыкают к Республике Марий Эл, это буквально на границе» (№ 38, М., 31)⁸. «Кикнурский район – недалеко от границы

⁷ В Кировской области марийцы проживают в Лебяжском, Малмыжском, Нолинском, Пижанском, Санчурском, Уржумском, Шурминском, Яранском, Кикнурском, Тужинском районах [Коведяева, 1976: 4].

⁸ Здесь и далее в скобках последовательно приводится номер анкеты, пол и возраст респондента, иногда, если это представляется релевантным, указывается район Кировской области, в котором родился и вырос респондент.

с Нижегородской областью. *Кик* означает «рука», *нур* – это «поле». Все названия финно-угорские, они имеют для нас какой-то смысл» (№ 39, М., 29). «Яранский район, марийская деревня. Смешанная деревня, марийцы и русские. Примерно одинаково. Может, марийцев больше чуть-чуть» (№ 76, Ж., 38). «Получается, что Кировская область – у нас как бы... неофициально половина или чуть больше населения марийцев» (№ 39, М., 29). Возможно, выводы респондента относительно распределения национального состава населения сформировались ввиду его собственного опыта проживания: действительно, в ряде районов области в сельской местности в деревнях насчитывается от нескольких десятков до двух-трех сотен марийцев [Кондрашкина, 2008: 149].

Динамика численности марийцев в Кировской области представлена в таблице 1 [Сепеев, 2006: 178–180; Демоскоп; ВПН, 2020].

Таблица 1

Динамика численности марийцев в Кировской области (по данным переписей населения)

Год проведения переписи	Численность марийцев
1926	59 732
1939	57 008
1959	52 570
1970	51 682
1979	47 910
1989	44 496
2002	38 930
2010	29 598
2020	18 766

Согласно последним данным, в Кировской области марийцев насчитывается 18 766 чел. (что составляет 1,6 % от общей численности населения региона)⁹, из них в городской среде проживает 5 685 чел., в сельской местности – 13 081 чел. Из общего числа указавших владение марийским языком (10 703 чел.) в повседневной жизни этим языком пользуются 8923 чел. В городской среде число владеющих марийским достигло 2135 чел. (из них пользуются марийским в повседневной жизни 1349 чел.), в сельской местности – 8568 чел. (число лиц, использующих язык в повседневном общении, составило 7574 чел.) [ВПН, 2020].

⁹ Ср. более ранние данные: марийцы составляют 2,59 % всего населения, в то время как русские – 90,8 % [Кондрашкина, 2008: 149].

Необходимо отметить, что в выборке среди представителей других этнолокальных групп марийцев – луговых и горных (так называемых *республиканских* марийцев), а также восточных (*вне­республиканских*, выходцев из Башкортостана, Татарстана и Свердловской области) – уроженцы Кировской области стоят несколько особняком. Слова респондента, вынесенные в заглавие нашей работы, в полной мере отражают специфику данной этнолокальной группы. «И я могу сказать, что мы говорим на таком диалекте, который вообще... нигде нету, ну... его официально не изучали, и когда наши люди едут в Йошкар-Олу, где литературный марийский, ну... вот им говорят, что вы уже не марийцы. “Вы еще не русские и уже не марийцы – кто вы такие, вы уже сами не знаете!”. То есть ни на марийском, но и не русском говорите» (№ 39, М., 29). Марийцев Кировской области, в отличие от уроженцев Башкортостана или Свердловской области, едва ли можно назвать старой диаспорой в прямом смысле этого слова – они являются автохтонным населением региона [Марийцы, 2013: 143]. Санчуро-яр­анский район издавна отличается смешанным марийско-русским составом населения. Проникновение русских в эту местность, богатую плодородными почвами и наличием пригодного для освоения резервного земельного фонда, началось во второй половине XVI в. Первоначально приток русских переселенцев был медленным, однако на протяжении XIX в. он стал более интенсивным. В результате коренные марийцы оказались в численном меньшинстве, разделенными на несколько территориально обособленных групп, которые в дальнейшем подверглись значительному обрусению. В этнографическом укладе санчуро-яр­анских марийцев произошло слияние традиционных марийских и приобретенных русских элементов культуры [Козлова, 1978: 287–293]. В регионе распространено северо-западное наречие марийского языка. Оно объединяет диалекты, часть которых по прежнему делению принадлежала к говорам горного наречия (яр­анский говор), а другие считались переходными, включающими в себя черты как лугового, так и горного наречий [Коведяева, 1976: 9]. Как показывают материалы переписей населения, численность марийского населения Кировской области неуклонно снижается. Кроме того, как отмечается, тесных культурных связей с этническим ядром они не имеют, слабо ощущают влияние национальной культуры [Марийцы, 2013: 143].

В нашем обследовании респондентам был задан вопрос о том, что, по их мнению, делает их марийцами (все участники опроса идентифицировали себя в качестве этнических марийцев). Ключевыми маркерами этнической идентичности в общей выборке последовательно являются «*малая родина*» (корни, предки, рождение), «*марийский язык*» и «*культура*» (знание истории народа, традиций, обычаев, песен и танцев) [Куцаева 2020б: 126]. Интересно сравнить данные, полученные в интервью с кировскими марийцами: в основном это родословная, родители и

корни («малая родина»), в меньшей степени «культура» (приобщенность к марийской культуре, наличие марийского костюма), лишь в одном случае был назван с известной долей натяжки и весьма условно «язык»: «Может, потому что разговариваю. Нравится мне это. Слушаю ... то что» (№ 34, Ж., 30). Поскольку целью социолингвистического обследования являлось описание функционирования этнического языка в марийском языковом сообществе московского региона, мы исходим из предположения, что актуальное употребление марийского языка обусловлено в том числе и предшествующим языковым опытом респондентов на малой родине (см., например: [Куцаева, 2022а; Куцаева, 2023а; Куцаева, 2023 г]). В этой связи в настоящей работе путем составления языковых биографий будет изучен лингвистический «багаж», с которым респонденты переехали в Москву, далее будет рассмотрено актуальное употребление опрошенными марийского языка: сферы использования, функции языка, бытование языка в этнической культуре.

2. Языковые биографии респондентов

Кировская часть выборки представлена пятью респондентами: трое мужчин и две женщины в возрасте от 29 до 52 лет, принадлежащие когортам 20–30 (два чел.), 31–40 (один чел.), 41–50 (один чел.), 51–60 (один чел.). Четыре респондента родились и выросли в небольших населенных пунктах, один респондент является уроженцем поселка городского типа. Языковые биографии респондентов представлены в исследовании в виде кейсов, описывающих языковую жизнь в дошкольный, школьный периоды, каналы освоения марийского языка и его актуальное использование.

2.1. Дошкольный период

Родители респондентов являются марийцами, уроженцами *марийских* деревень, расположенных в Кировской области. Родители владели марийским и русским языками, между собой взрослые разговаривали преимущественно на марийском языке. В таблице 2 приводится информация относительно речевых практик респондентов в дошкольный период.

Таблица 2

Речевые практики респондентов в дошкольный период*

Респондент	Общение с родителями	Общение с сиблингами	Общение со сверстниками	Общение с бабушкой	Общение со старшими родственниками, соседями
№ 34 (30, Д)	Р, М	Р	Р	М	М
№ 38 (31, Д)	Р	–	Р, М	Р, М	Р, М
№ 39 (29, ПГТ)	Р, М	–	Р, М	Р, М	Р, М
№ 49 (52, Д)	М	М	М, Р	М	М
№ 76 (38, Д)	М, Р	Р	Р	Р	Р

*В крайнем левом столбце указан номер анкеты респондента в общей выборке, в скобках приводится возраст респондента и место его проживания на малой родине в тот период в качестве релевантной для этой части исследования информации. Принятые сокращения: М – марийский, Р – русский, Д – деревня, ПГТ – поселок городского типа.

Участник опроса в старшей когорте использовал в детстве преимущественно марийский язык с родителями, сиблингами, представителями старшего поколения (об этом же говорили и опрошенные в младших когортах в отношении своих родителей, которые, кажется, в младшем дошкольном возрасте не прибегали к использованию русского языка). Широкое использование марийского языка объясняется компактным проживанием в условиях марийской деревни, которая в дальнейшем, что подтверждается данными из языковых биографий молодых участников опроса, подвергается ускоренным процессам русификации (об этом см. также: [Шанчара, 2020: 382]. «У нас полностью марийская деревня, только несколько русских притесались – и всё! С русскими – кто-то из них по-марийски понимал, но в основном по-русски. Но сейчас более идет русификация» (№ 49, М., 52). «У нас в деревне все мари. Ну они там взрослые, конечно, все на марийском разговаривали. Были дети, которые разговаривали на марийском. Но так – русский. Как-то так – но все там у нас мари!» (№ 34, Ж., 30).

Указанный в графах таблицы вариант *Р, М* (русский, марийский) подразумевает дуально-лингвальную коммуникативную модель, при которой каждый собеседник использует свой речевой код, в данном случае родители использовали марийский, ребенок отвечал на русском. Это же типично в целом для уроженцев более крупных населенных пунктов в Республике Марий Эл и в Башкортостане в выборке (об этом см.: [Куцаева, 2022а: 123; [Куцаева, 2023а: 56; Куцаева, 2023г: 59]). Переход в общении с детьми на «смешанный язык» (в терминологии опрошенных)

– вкрапления марийского в коммуникацию на русском – осуществлялся при употреблении этнического языка в эмоциональной функции (шутка на марийском, например).

С представителями более старшего поколения модель *M, P* имплементировалась следующим образом: бабушка и пожилые родственники (соседи) в основном использовали марийский язык. «Бабушка не очень-то по-русски любит разговаривать. Моя бабушка именно – ей 80 лет – она особо не любит на русском разговаривать, ей проще на марийском говорить. Она с нами разговаривает на марийском, если где-то чего-то не понимаешь, конечно, она начинает ругаться!» (№ 34, Ж., 30). Примечательно, что два других молодых респондента, использовавшие изначально русский (или дуально-лингвальную модель) в общении с бабушкой, со временем перешли на марийский по собственной инициативе и активной поддержке самих бабушек (о роли бабушки в передаче этнического языка мы рассказывали в другой нашей работе: [Куцаева, в печати], об этом см. также: [Куцаева, 2022а: 124]).

Использование родителями опрошенных (когорты 20–30, 31–40) главным образом русского языка в общении с детьми было обусловлено влиянием господствующих языковых идеологий, связанных в первую очередь с представлением о негативном влиянии марийского (в качестве материнского языка) на успешное освоение русского языка в системе школьного образования и в дальнейшем – благополучную социально-экономическую адаптацию. Кроме того, опрошенные в младших когортах посещали детский сад, языком воспитания в которых выступал русский, несмотря на то что в составе педагогического коллектива были марийки (о влиянии языка воспитания в детском саду на речевые практики в семье см.: [Куцаева, 2022а: 125]¹⁰. «Я в детский сад ходила. Он у нас в деревне был. Скорее всего это (общение преимущественно на русском в семье. – *Прим. М. К.*) с учебой было связано. Просто с этим очень сложно. У меня одноклассница, с ней чисто всегда дома на марийском разговаривали, и очень ей было тяжело в школе. Она путала слова, ей было проще на марийском его сказать, потому что с ней дома разговаривали на марийском. Она вроде бы и на русском разговаривает, а писать – ей было очень иногда. И по поводу литературы даже – читать. Ей русский язык немножко трудно было» (№ 34, Ж., 30).

Часть респондентов воспринимает подобные речевые практики как *норму*, другие ставят свое незнание марийского языка родителям в упрек, поскольку те не приложили усилий по трансмиссии языка. «Я даже не интересовался у мамы, почему она сразу со мной не говорила на марийском. Как бы у нас у всех так» (№ 39, М., 29). «Они говорили, что сначала разговаривали

¹⁰ Ср.: «Коренное население, наши бабушки – все разговаривают (на марийском языке. – *Прим. М. К.*). И ребяташки, которые живут с бабушками, тоже разговаривают» [Шанчара, 2020: 111].

на марийском, а потом, когда пошли мы в садик, они начали на русском. Когда я спрашивала родителей, почему они нас не обучили марийскому, почему они с нами на русском разговаривали, они сказали, что вот боялись, что мы потом будем плохо знать русский, что у нас будут проблемы. У них у самих такой проблемы не было, я не знаю, с чего это они взяли, что у нас будут проблемы! Они хорошо знают и марийский, и русский» (№ 76, Ж., 38).

2.2. Школьный период

Ни один из опрошенных в выборке не «обучался специально предмету “Марийский язык”» (№ 49, М., 52)¹¹, поскольку «это Кировская область, просто там четко это было видно, что в Марий Эл – на марийском, а Кировская область – это с советских времен еще политика русификации по отношению к марийцам. Она дала... заметный след на образовательную деятельность тоже» (№ 38, М., 31). Республика Марий Эл, безусловно, располагает более широкими возможностями организации обучения и преподавания марийского языка, хотя, как было отмечено в наших работах [Куцаева, 2022а: 129; Куцаева, 2023а: 64], преподавание марийского лугового и марийского горного в системе школьного образования в Республике Марий Эл имеет свои трудности на современном этапе. В других регионах, где компактно проживают марийцы, преподавание марийского языка сохранено частично, например в Республике Башкортостан [Куцаева, 2023г: 61, 62], или фрагментарно – в Свердловской области [Куцаева, 2023б: 56–68].

По словам респондентов, поколение старших родственников в семье обучалось когда-то на марийском языке, поскольку родственники «родились еще в такое время, что они пошли в школу – и они не знали русского языка. И они в школе изучали русский язык» (№ 39, М., 29). Так, в одной из деревень Уржумского района обучение на марийском велось вплоть до 1950-х годов, далее учащиеся обучались по программе русской школы [Шанчара, 2020: 53]. Переход на русский язык обучения связан с вступлением в силу закона «Об укреплении связи школы с жизнью» (1958), который и положил начало русификации образования в РСФСР [Беликов, Крысин, 2016: 301, 302]. Пробуждение интереса к возрождению преподавания марийского языка в регионе в 1990-х годах было вызвано подъемом национального самосознания в период «парада суверенитетов». В частности, в резолюцию Третьего съезда народа мари (Йошкар-Ола, октябрь 1992 г.), на котором присутствовали 25 делегатов от Кировской области [Съезды, 2004: 293], среди прочего были включены пункты, где отмечалась необходимость восстановления

¹¹ Этот же респондент отметил, что на переменах, будучи школьником, активно пользовался марийским языком в общении с одноклассниками, несмотря на некоторые запреты со стороны администрации школы и РОНО.

общеобразовательных национальных школ и национальных педагогических учебных заведений как в республике, так и в регионах компактного проживания марийской диаспоры; делегаты Съезда обращались к представительным органам Республики Марий Эл с просьбой оказать содействие и поддержку в организации обучения и воспитания марийской диаспоры на родном языке [Съезды, 2008: 330, 331].

С этого времени в преподавании марийского языка в школах Кировской области наметились некоторые перемены, однако коренного перелома ситуации не произошло, поскольку подобные инициативы носили «очаговый» характер, зависели в целом от активности педагогов и представителей администрации школ и, ввиду разных обстоятельств, через некоторое время затухали. Так, в дер. Пушкино в Яранском районе с середины 1990-х годов в течение нескольких учебных лет учащиеся 5–7 классов имели возможность приобщиться к марийскому языку в рамках элективного курса «История и культура марийского народа» (один час в неделю). Курс вел школьный библиотекарь, прошедший за свой счет двухнедельные курсы повышения квалификации в Йошкар-Оле. В 1999 г. факультатив убрали из программы [Шанчара, 2020: 112]. Один из респондентов, уроженец дер. Пушкино, вспоминает: «Я в Пушкино училась. Обычная школа. У нас не преподавали. У нас потом уже, когда я девятый класс заканчивала, у нас уже начали в каких-то классах, допустим, преподавать марийский язык. Насколько я знаю, сейчас у нас там в школе восемь человек, если не меньше, осталось. Еще школу не закрыли пока» (№ 34, Ж., 30) (об оптимизации образования, коснувшейся прежде всего сельских малокомплектных школ и оказавшей губительное влияние на ситуацию с преподаванием языков народов РФ, см.: [Долгова, 2020: 27]).

В конце 1990-х годов марийский язык преподавался в четырех школах Кировской области: в трех из них изучался марийский язык и литература, история культуры марийского народа (общий охват учащихся – 262 чел.), в одной – марийский язык (один час в неделю с 3 по 9 классы – 100 учеников) [Марийский мир, 2004; цит. по: Кондрашкина, 2008: 149]. Уроженец Кикнура в выборке сообщил следующее: «У нас сколько раз в районный отдел образования и просьбы (о внедрении марийского языка в школьное расписание. – *Прим. М.К.*), и коллективные письма писали, ни в какую – они отказывали! Это в наше время было, на моем веку» (№ 39, М., 29). С 2003 г. в Кикнуре наконец открылся факультатив «История и культура марийского народа», который вел педагог начальных классов, однако спустя три года проект закрылся ввиду прекращения финансирования. В 2009 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между департаментом образования Кировской области и министерством образования Марий Эл в целях приобщения подрастающего поколения к языку, истории, культуре, обычаям, традициям

марийского народа, сохранения и развития марийского языка для удовлетворения этнокультурных запросов марийского населения Кировской области. Соглашение коснулось лишь трех школ, в которых уже обучались марийские школьники (Пижанский, Малмыжский и Яранский районы), за рамками соглашений остались, однако, другие школы, например, в Кикнуре [Шанчара, 2020: 7–8].

Краткий обзор современной ситуации с преподаванием марийского языка в регионе свидетельствует о том, что в большей степени возрождение преподавания марийского является заслугой педагогов (см., например: [Шанчара, 2020: 53]), выступающих в роли подлинных хранителей языка и культуры марийцев в местах их компактного проживания (схожие замечания были сделаны нами в отношении уральских марийцев [Куцаева, 2023б: 80]).

Кроме того, в тех немногих школах, в которых в переходный период сохранилось преподавание марийского языка, имеются свои трудности, обусловленные: 1) острой нехваткой педагогических кадров; 2) постоянным сокращением часов, выделяемых на изучение марийского языка; 3) отсутствием у учащихся мотивации к изучению вследствие влияния языковых идеологий, транслируемых родителями (законными представителями) учащихся; 4) слабым контролем методической работы; 5) различиями между северо-западным идиомом, носителями которого являются учащиеся, и литературной нормой лугово-восточного языка, изучение которого предполагается в рамках школьной программы. Относительно каждого перечисленного выше пункта приведем (на условиях анонимности) выдержки из интервью с педагогом марийского языка, имеющего опыт работы в одной из школ Кировской области в интересующий нас период (с начала 2000-х годов до 2017 г.):

Острая нехватка педагогических кадров: «На всю школу среднюю я была единственным педагогом марийского. Потому что до меня была еще женщина, она уехала. И несколько лет, по-моему, не было до меня. Вообще».

Сокращение часов: «Если часы в общем сокращают и на школу даются на один класс столько-то часов – конечно же, математику там или русский язык никто не будет сокращать! Убирают часы, которые не очень... как бы, по их мнению, важные. Потому что ни экзамена не было по этому предмету, ничего». «Ну вначале минимум 18 часов у меня было. Не больше. Марийский язык и литература. Лет через пять-шесть, наверное, сделали факультатив. Но это было обязательно. В конце часов было пять или шесть, по-моему. Очень мало. Но я уже последние лет восемь, может десять, работала уже учителем русского языка. У меня же как бы и диплом учителя русского языка, я уже русским языком занималась. Потому что ну на пять-шесть часов, ну как прожить-то! Надо все равно чем-то заниматься. Да и учителя русского языка

не хватало вообще. И сейчас там, наверное, это проблема. Я уже полностью перешла на русский язык, а марийский, ну как-то в дополнение, чтобы не забыли, чтобы что-то там делали».

Отсутствие мотивации, влияние языковых идеологий: «Родители многие были недовольны – как бы: “Зачем это? Вообще кому это надо? И так ничего не успевают, программа обширная, там ЕГЭ, вот это все – голову зачем детям забивать этой лишней информацией?”. Родители говорили об этом сами. Бывают же родительские собрания, бывают классные часы или классные родительские собрания, общешкольные. Ну споры велись, потому что – “Надо это? Не надо это?”. «Мне вот кажется, что им это было скучно все. Неинтересно. Если что-то вот развлекательное – им нравилось, а вот это – не очень. Культура марийская, история – как это все развивалось, как было, как возникло все это – это им ОЧЕНЬ было неинтересно. Вот эти все правила марийского языка, ну как бы программа же предусматривает это все, там части речи – это вообще неинтересно было, никакой заинтересованности не было. Ну урок – и урок. Вышли – и забыли. Русский – очень мотивирован был. Потому что экзамен! Единственный мотиватор – это экзамен. Всё – больше ничего не надо было! Если бы был экзамен (по марийскому. – *Прим. М. К.*), это как-то бы подгоняло их, что-то все равно было бы» (об этом также см.: [Шанчара, 2020: 388]).

Контроль методической работы: «Честно сказать, программы как таковой обязательной – как марийский в школах Республики Марий Эл – вообще никакой программы не было. Вообще ничего! Это было на усмотрение учителя. Я сама все разрабатывала, ну, правда, на основе существующих программ».

Особенности северо-западного наречия: «Знаете, там марийский диалект очень большой! Он очень отличается от литературного языка. Первые несколько месяцев было очень тяжело, это знаете, как ... с марийского перевести надо на марийский язык. С одного марийского на другой. Ну, они разговаривают на марийском языке в основном. Это раньше еще разговаривали. Но в последнее время там почти все на русском разговаривали уже. Это уже в 2015–2016. А вот в самом начале, в 2001 году, очень многие разговаривали на марийском языке. Но диалект – очень такой... Я говорю: “Это что за слово?”. Они мне переводили на русский язык, я потом уже на свой, на литературный. Я на марийском спрашивала. Я с ними все время на марийском разговаривала. Если я говорю на марийском, они спрашивают: “Вы сейчас вот что сказали? Это что значит?”. И, знаете, мы учились, как, например, разговорники есть, и у нас был свой разговорник! Это вынужденно было. У меня свой словарь личный был. Я записывала вначале. Два-три месяца я записывала те слова. Вот, например, какое-нибудь слово они мне скажут, я тетрадку делила пополам, рядышком литературно пишу. В итоге к концу, ну, все

больше и больше... я уже отлично разговаривала на том марийском, на котором они разговаривали. Это уже входит в привычку, потому что я же общалась не только с детьми. Ну с детьми – на литературном общаюсь, а вот у меня подруги были, у меня друзей много было, я с ними уже общалась на их языке, потому что они переспрашивали по тысячу раз... и меня это как-то начинало напрягать иногда – и я с ними уже на их языке, и как-то это в привычку входило! Даже домой к матери приезжала, у меня эти слова выскакивали. А мама говорила, что уже по-другому говорю и даже интонация другая!» (Об особенностях северо-западного идиома см.: [Коведяева, 1987: 21–28], о номенклатуре марийских идиомов с точки зрения носителей языка см.: [Куцаева, 2022б: 60–64].)

2.3. Каналы освоения марийского языка

Как и в других наших работах, посвященных описанию языковых биографий представителей московских марийцев (уроженцев Республики Марий Эл – см.: [Куцаева 2022а: 141–147; Куцаева, 2023а: 56, 57], внереспубликанских марийцев – см.: [Куцаева, 2023б: 53; Куцаева, 2023г: 66, 67]), укажем на каналы освоения респондентами марийского языка. Для самого старшего участника опроса в кировской выборке марийский язык является функционально первым языком, усвоенным в семье (см. Табл. 2). Респонденты младших когорт, с детства практикующие русский язык, освоили марийский по различным каналам (сходные пути изучения этнического языка были зафиксированы нами в отношении городских марийцев – как республиканских (пункты 1–5), так и внереспубликанских (пункты (1–7)).

1. Внутрисемейное общение. Родители разговаривали с ребенком на марийском языке в младенчестве или разговаривали на марийском между собой, отводя ребенку роль пассивного слушателя. Впрочем, некоторые опрошенные давали высокую оценку этому способу освоения языка: «Ну с тобой на марийском говорят, а ты слышишь. Да просто слышишь, когда родители с тобой разговаривают. Я помню, еще когда лет пять было, я еще тогда не все слова марийские понимал, я спрашивал: “А вот это что? А это?”. А потом запоминаешь» (№ 39, М., 29).

2. Общение с представителем самого старшего поколения в семье, как правило, с бабушкой. «В деревне первоначально отвечал на русском бабушке, а потом отвечал на марийском. Семь, наверное, где-то восемь лет мне было. Совесть просто замучила все время на русском отвечать! Какой-то прогресс, наверное, сделал внутри себя и начал на марийском говорить» (№ 39, М., 29).

3. Общение с ровесниками, в семье которых марийский использовался в качестве функционально первого языка. «И плюс ровесники некоторые в школе и в саду частенько

употребляли марийские слова. Я частично тоже использовал. Потому что некоторые слова все равно популярны. Элементы марийской речи в русском. *Очень хорошо – пеш сай, больно надо – пеш кулеш, очень хороший – пеш мотор, Мо бара? – Ну что теперь?, Кузе иледа – Как поживаете?, йора – хорошо, договорились*» (№ 38, М., 31).

4. Практика языка в марийской деревне (в случае уроженцев городской среды). «По-марийски я в деревне с родственниками. Более старшие родственники. Ну со сверстниками – немножко разговаривал. Ну немножко чего-то там сказать, что вот... я там сегодня травы накопил, так и так. Печку затопил. Сходил за водой. Ну вот какие-то проблемы обсуждаются – так и так. Надо дров принести, сходи туда за водой, там... тут вот это надо. Вот такие просьбы простые!» (№ 39, М., 29) (О специфике этнического языка, освоенного городскими детьми в деревне см. также: [Куцаева, 2023в: 71].)

5. Участие в культурно-досуговых мероприятиях на марийском языке. «Но опять же это довольно гибко – там были элементы немножко марийские. Они (старшее поколение – *Прим. М. К.*) меня сразу научили плясать по-марийски, и немножко марийскую речь я слышал. В деревне на культурных мероприятиях, где-то в частушках у бабушек слышал марийскую речь часто. То есть частичный марийский лексикон присутствовал. Частично от всего это шло. И в клубе мероприятия, и общение со старшим поколением» (№ 38, М., 31). В регионе созданы 59 муниципальных специализированных учреждений, работающих в области марийской культуры, действуют 20 марийских фольклорных коллективов [Марийцы 2013: 143]. (О конкретных культурных инициативах см.: [Шанчара, 2020: 58, 111].)

6. Участие в общественной жизни, связанной с поддержанием марийской культуры и языка. В этом смысле некоторые инициативы, исходившие из Республики Марий Эл и вовлекавшие в свою орбиту марийцев, проживающих за ее пределами, кажется, являются плодотворными. Один из респондентов в юности побывал на слете марийской молодежи в Республике Марий Эл, участвовал в проектной деятельности. «Мы лекции слушали от марийскоговорящих даже не чиновников, но важных деятелей республики, они преподавали нам немножко основы... такого проектирования на сельский манер. Как сельскую активность, сельскую деятельность переставлять на современные рельсы, чтобы сельская жизнь в марийских деревнях не угасала, а шла по такому современному манеру. Какие-то проекты. Какие-то инициативы. Там было много марийского языка. Я даже марийский разговорник с собой привез, чтобы... частично хотя бы стараться общаться на марийском языке, потому что мне не хватало тогда запаса. Очень серьезно не хватало запаса слов. Я часто просил что-то по-русски объяснить мне. Большинство участников очень бегло разговаривали на марийском. Я как раз тогда очень

много записывал, всю неделю. Марийских фраз, чтобы запомнить, чтобы общаться. Там еще в конце слета от каждого отряда самые активные готовили проекты для защиты. Я готовил проект на тему “Смотр марийской культуры в Уржумском районе”. Защитил этот проект, и как только я вернулся в том же году, в декабре, мы провели первый марийский смотр марийской культуры» (№ 38, М., 31).

7. Дальнейшая учеба и проживание в Йошкар-Оле. Один из респондентов получал среднее профессиональное образование в Йошкар-Оле, имел возможность общения с носителями лугового марийского языка. Препятствием к полноценному общению на этническом языке были различия между идиомами марийского, а также иерархическая структура модели традиционного носителя, присущая марийскому языковому сообществу и сложившаяся вследствие сильной распыленности марийского этноса; юридического статуса, закрепленного за марийским в Республике Марий Эл (ср. с местами компактного проживания марийцев на территории Российской Федерации, например в Кировской области); особого положения, занимаемого де-факто отдельными говорами (моркинско-сернурским, который лег в основу литературной нормы марийского лугового языка) [Куцаева, 2021а: 21]. «Не могу сказать, что мой марийский сильно отличался, но вот у этой девочки с Морков, у нее прямо – чисто всегда на марийском разговаривала. Но она всегда надо мной смеялась. “То, что, – говорит, – неправильно предложения, либо окончания, либо ударения неправильно говоришь”. Ну я просто если что-то скажу, а она: “Немножко по-другому!”» (№ 34, Ж., 30).

Отметим, что для опрошенных в кировской части выборки, как и для республиканских, и башкирских, характерно следование некоторым принципам, порожденным языковыми идеологиями, распространенными среди носителей миноритарных языков. Во-первых, неиспользование марийского языка в общественных местах (например, четкая граница между употреблением марийского в деревне и использованием русского в городской среде, которая начиналась уже в автобусе, следующему по маршруту в город или поселок городского типа, – городская среда, в представлении уроженцев сельской местности). Во-вторых, употребление русского языка в разговоре, если один из коммуникантов не владел марийским (по принципу «третий – не лишний»).

3. Актуальное использование этнического языка

Сферы использования марийского языка в условиях внутренней диаспоры московского региона заметно сужаются. Этнический язык употребляется преимущественно во внутрисемейной и дружеской сферах общения, используется в ходе проведения культурно-массовых и общественных

мероприятий марийского землячества Москвы, объединяющего как выходцев из Республики Марий Эл, так и мест компактного проживания марийцев.

Члены Кировской части выборки используют марийский в качестве тайного языка, в эмоциональной функции (смеяться, шутить, ругаться), в большей степени – в символической функции в целях групповой самоидентификации, в меньшей – в собственно коммуникативной.

Межпоколенческая передача языка в общей выборке представляется крайне слабой (об этом см.: [Куцаева, 2021б]). Кировские марийцы в выборке в этом смысле не являются исключением, особенно представители младших когорт: слабо владея этническим языком, они способны передать детям лишь *воспоминания* о марийском языке в виде отдельных лексических единиц с эмотивным значением. «У меня ребенок марийский вообще не знает. Я даже когда ему что-нибудь в шутку говорю, он вообще ничего не понимает! Так, по ситуации говорю, такие бытовые вещи. Корни, наверное, дают о себе знать» (№ 76, Ж., 38).

Кировские марийцы также принимают участие в жизни диаспоры, ежегодно посещают организованный в Москве «Пеледыш пайрем» («Праздник цветов»). Однако, по нашему наблюдению, доля их участия в менее масштабных мероприятиях заметно ниже в сравнении, например, с башкирскими марийцами. Одна из причин заключается, во-первых, в существующих различиях между идиомами марийского, во-вторых, в слабом владении этническим языком: «Я думаю, что мне там вообще-то будет неинтересно. Потому что я там буду полунемым – не понимать даже» (№ 76, Ж., 38).

Многие опрошенные являются фактически новыми носителями марийского языка; распространенные среди традиционных носителей идеологии аутентичности и легитимности препятствуют расширению языкового сообщества (об этом см.: [Куцаева, 2021а]). Так, одна из респонденток состоит в браке с выходцем из Республики Марий Эл, носителем лугового марийского, и ее попытки внедрить во внутрисемейное общение этнический язык, кажется, не увенчались успехом в силу изложенных выше причин. Другой респондент не смог в итоге использовать марийский язык в новых технологиях (к примеру, оставлять комментарии в социальных сетях на марийском), поскольку, по его словам, традиционные носители не поняли бы «его марийский», т.е. северо-западный идиом: «А то луговые и горные, услышав наш диалект, могут подумать, что написано с ошибками» (№ 39, М., 29).

4. Заключение

Кировские марийцы в выборке идентифицируют себя в качестве этнических марийцев, тем не менее они четко осознают свой особый статус внутри марийского языкового сообщества, находясь среди марийцев как в Йошкар-Оле, так и в московском регионе. Во-первых, северо-

западный идиом отличается от литературной нормы марийского языка. Во-вторых, респонденты не имели возможности изучать марийский в системе школьного образования. В-третьих, как показал анализ языковых биографий представителей младших когорт, этнический язык не являлся и не является для них функционально первым языком. По словам одного из участников, «...в Кировской – там обрусевшие такие марийцы». В большей мере каналами освоения этнического языка у младшего поколения выступила культурно-досуговая деятельность, общение с представителями старшего поколения и сверстниками, для которых марийский являлся материнским языком, пребывание в марийской деревне.

Несмотря на то, что многие кировские марийцы в выборке являются новыми носителями марийского языка, что само по себе нелегко, учитывая распространенные в обществе языковые идеологии, они высоко оценивают свои достижения. «Даже то, что я говорю на марийском, – это большой успех. Потому что вырасти в русском регионе, в русском языке, марийский язык нигде не преподают, нет ни одной марийской книги, нет марийских названий, – это уже для меня большой успех» (№ 39, М., 29).

Литература

- Беликов В.И., Крысин Л.П.* (2016) Социоллингвистика: Уч. для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт. 337 с.
- Всероссийская перепись населения (2020) Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab5_VPN-2020.xlsx. Дата обращения: 05.12.2023.
- Демоскоп weekly. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6. Дата обращения: 05.12.2023.
- Долгова А.П.* (2020) Об изменениях в ситуации с родными языками в школах Чувашии: Взгляд из региона // Родной язык. Лингвистический журнал. № 1. С. 25–48.
- Коведяева Е.И.* (1976) Марийский язык // Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки. М.: Наука. С. 3–96.
- Коведяева Е.И.* (1987) Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам: (Марийский язык). М.: Наука. 160 с.
- Козлова К.И.* (1978) Очерки этнической истории марийского народа. М.: Изд-во МГУ. 344 с.
- Кондрашкина Е.А.* (2008) Динамика функционального развития марийского языка. М.: ИЯз РАН. 180 с.
- Куцаева М.В.* (2020а) Об опыте социоллингвистического обследования в марийской диаспоре московского региона // Малые языки в большой лингвистике: Сб. трудов конференции 2020 / Ред. Кс.П. Семенова. М.: Буки Веди. С. 104–111.
- Куцаева М.В.* (2020б) Марийцы Москвы: Этническая идентичность и языковая лояльность в условиях внутренней диаспоры // Родной язык. Лингвистический журнал. № 2. С. 124–150.
- Куцаева М.В.* (2021а) Новые носители марийского как фактор витальности этнического языка в диаспоре // Родной язык. Лингвистический журнал. № 2. С. 5–34.
- Куцаева М.В.* (2021б) Раннее освоение этнического языка в марийской диаспоре московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. № 3 (33). С. 49–58.

- Куцаева М.В. (2022а) Языковые биографии представителей марийской диаспоры московского региона (уроженцев районов распространения лугового марийского языка в Республике Марий Эл) // Урало-алтайские исследования. № 1 (44). С. 116–153.
- Куцаева М.В. (2022б) К вопросу о номенклатуре марийских идиомов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. № 3 (37). С. 55–68.
- Куцаева М.В. (2023а) Лингвистические биографии представителей марийской диаспоры московского региона (уроженцев Горномарийского района Республики Марий Эл) // Урало-алтайские исследования. № 1 (48). С. 53–69.
- Куцаева М.В. (2023б) Сохранность этнического языка у уральских марийцев // Родной язык. Лингвистический журнал. № 1. С. 44–89.
- Куцаева М.В. (2023в) На деревню надейся, а сам не плошай: К вопросу о языковых практиках и идеологиях в чувашской и марийской диаспорах Московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. № 2 (40). С. 65–78.
- Куцаева М.В. (2023г) Из старой диаспоры в новую: К вопросу о сохранности языка и культуры башкирских марийцев: (На материале социолингвистического обследования в марийской диаспоре московского региона) // Урало-алтайские исследования. № 4 (51), С. 54–79.
- Марийцы (2013) Историко-этнографические очерки. 2-е изд., доп. Йошкар-Ола. 482 с.
- Сануков К.Н. (2000) Марийцы: Прошлое, настоящее, будущее // Марийский мир: Проблемы национального, социально-экономического и культурного развития марийского народа. Йошкар-Ола. С. 12–61.
- Сенеев Г.А. (2006) История расселения марийцев. Йошкар-Ола. 200 с.
- Съезды народа мари (2008) Документы и материалы. 1917–2004 гг. Йошкар-Ола: Центр-музей им. Валентина Колумба. 832 с.
- Шанчара С. (2020) Марийцы на просторах России: Книга очерков. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во. 391 с.

References

- Belikov, V.I., Krysin, L.P. (2016) Sotsiolingvistika: Uchebnik dlya bakalavriata i magistratury [Sociolinguistics: Textbook for bachelor's and master's degree]. M.: Uright. 337 p. (In Russ.)
- Vserossijskaja perepis' naselenija (2020) [The All-Russian Census of 2020.] Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab5_VPN-2020.xlsx. Access date: 05.12.2023.
- Demoskop weekly [Demoscope weekly]. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6. Access date: 05.12.2023.
- Dolgova, A.P. (2020) Ob izmeneniyakh v situatsii s rodnymi yazykami v shkolakh Chuvashii: Vzglyad iz regiona [The changing situation with native languages in the schools of Chuvashia] // Rodnoy yazyk. Linguistic Journal.No. 1. Pp. 25–48. (In Russ.)
- Kovedyayeva, E.I. (1976) Marijskij yazyk [Mari language] // Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya: Marijskij, permskie i ugorskie yazyki [Basics of Finno-Ugric linguistics: Mari, Perm and Ugric languages]. M.: Nauka. Pp. 3–96. (In Russ.)
- Kovedyayeva, E.I. (1987) Areal'nye issledovaniya po vostochnym finno-ugorskim yazykam: (Marijskij yazyk) [Areal studies on eastern Finno-Ugric languages: (Mari language)]. M.: Nauka. 160 p. (In Russ.)
- Kozlova, K.I. (1978) Oчерki jetnicheskoy istorii marijskogo naroda [Outlines of Mari people's ethnic history]. M., Izd-vo MGU. 344 p. (In Russ.)
- Kondrashkina, E.A. (2008) Dinamika funkcional'nogo razvitija marijskogo jazyka [Dynamics of the functional development of the Mari language]. M., Institut yazykoznaniya RAN. 180 p. (In Russ.)
- Kutsaeva, M.V. (2020a) Ob opyte sotsiolingvisticheskogo obsledovaniya v mariiskoi diaspore moskovskogo regiona [On the experience of a sociolinguistic survey in Moscow region Mari

- diaspora group] // *Malye yazyki v bol'shoi lingvistike: Sb. trudov konferentsii*. M., Buki Vedi. Pp. 104–111. (In Russ.)
- Kutsaeva, M.V.* (2020b) Mariitsy Moskvyy: Ehtnicheskaya identichnost' i yazykovaya loyal'nost' v usloviyakh vnutrennei diaspory [Maris in Moscow: Diaspora ethnic identity and language loyalty] // *Rodnoi yazyk. Linguistic Journal*. No. 2. Pp. 124–150. (In Russ.)
- Kutsaeva, M.V.* (2021a) Novye nositeli mariiskogo kak faktor vital'nosti ehtnicheskogo yazyka v diaspore [New speakers of Mari as a factor in diaspora language vitality] // *Rodnoi yazyk. Linguistic Journal*. No. 2. Pp. 5–34. (In Russ.)
- Kutsaeva, M.V.* (2021b) Rannee osvoenie ehtnicheskogo yazyka v mariiskoi diaspore moskovskogo regiona [Early language acquisition in Moscow region Mari diaspora] // *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*. No. 3 (33). Pp. 49–58. (In Russ.)
- Kutsaeva, M.V.* (2022a) Yazykovye biografii predstavitelej marijskoj diaspory moskovskogo regiona (urozhentsev rajonov rasprostraneniya lugovogo marijskogo yazyka v Respublike Marij El) [Language biographies of the Maris of the Moscow region – the natives of the areas where the Meadow Mari language is spoken in the republic of Mari El] // *Uralo-altajskie issledovaniya*. No. 1 (44). Pp. 116–153. (In Russ.)
- Kutsaeva, M.V.* (2022b) K voprosu o nomenklature marijskih idiomov [On the problem of nomenclature of Mari idioms] // *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*. No. 3 (37). Pp. 55–68. (In Russ.)
- Kutsaeva, M.V.* (2023a) Lingvisticheskie biografii predstavitelej marijskoj diaspory moskovskogo regiona (urozhencev Gornomarijskogo rajona Respubliki Marij El) [Linguistic biographies of Moscow region Maris – natives of Hill Mari district of the Republic of Mari El] // *Uralo-altajskie issledovaniya*. No. 1 (48). Pp. 53–69. (In Russ.)
- Kutsaeva, M.V.* (2023b) Sohrannost' jetnicheskogo jazyka u ural'skih marijcev [Ethnic language maintenance: The case of the Ural Maris] // *Rodnoi yazyk. Linguistic Journal*. No. 1. Pp. 44–89. (In Russ.)
- Kutsaeva, M.V.* (2023v) Na derevnju nadejsja, a sam ne ploshaj: K voprosu o jazykovyh praktikah i ideologijah v chuvashskoj i marijskoj diasporah Moskovskogo regiona [The village helps those who help themselves: On the question of language practices and ideologies in the Chuvash and Mari diasporas in the Moscow region] // *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*. No. 2 (40). C. 65–78. (In Russ.)
- Kutsaeva, M.V.* (2023g) Iz staroj diaspory v novuju: K voprosu o sohrannosti jazyka i kul'tury bashkirskih marijcev: (Na materiale sociolingvisticheskogo obsledovaniya v marijskoj diaspore moskovskogo regiona) [From the old diaspora to the new one: On Bashkir Maris' language and culture maintenance: (Results of a sociolinguistic survey in the Moscow region mari diaspora)] // *Uralo-altajskie issledovaniya*. No. 4 (51). Pp. 54–79. (In Russ.)
- Mariitsy*, (2013) *Mariitsy: Istoriko-ethnograficheskie ocherki* [Maris: Historical-ethnographic outlines]. Yoshkar-Ola. 482 p. (In Russ.)
- Sanukov, K. N.* (2000) *Marijcy: Proshloe, nastojashhee, budushhee* [Maris: Past, present, future] // *Marijskij mir: Problemy nacional'nogo, social'no-jekonomicheskogo i kul'turnogo razvitija marijskogo naroda* [Maris' world: Problems of national, socio-economic, and cultural development of Mari people]. Yoshkar-Ola. Pp. 12–61. (In Russ.)
- Sepeev, G.A.* (2006) *Istoriya rasseleniya mariitsev* [History of Maris' settlement]. Yoshkar-Ola. 200 p. (In Russ.)
- S'ezdy naroda mari* (2008) *Dokumenty i materialy. 1917–2004* [Congresses of Mari people: Documents and materials. 1917–2004]. Yoshkar-Ola. 832 p. (In Russ.)
- Shantchara, S.* (2020) *Marijcy na prostorah Rossii: Kniga ocherkov* [Maris across Russia: A collection of essays]. Yoshkar-Ola. 391 p. (In Russ.)

Куцаева Марина Васильевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела урало-алтайских языков, Институт языкознания Российской академии наук.

ORCID: 0000-0002-0112-2961

Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.

Эл. адрес: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Kutsaeva Marina Vasilievna – candidate of philology, researcher of the department of Uralic and Altaic languages, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

ORCID: 0000-0002-0112-2961

Address: 125009, Russian Federation, Moscow, Bolshoj Kislovskij per. 1/1,

E-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Для цитирования: *Куцаева М.В.* «Еще не русские и уже не марийцы»: Об этнической идентичности, языке и культуре кировских марийцев (По результатам обследования в марийской диаспоре московского региона) // *Социолингвистика*. 2024. № 1 (17). С. 25–43. DOI: 10.37892/2713-2951–1-17-25-43

For citation: *Kutsaeva, M.V.* “Not yet Russians and no longer Maris”: Ethnic identity, language and culture of the Kirov Maris (Based on the results of a survey in the Moscow region Mari diaspora) // *Sociolinguistics*. 2024. No. 1 (17). Pp.25–43. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951–1-17-25-43

The article was submitted 07.12.2023;
approved after reviewing 20.01.2024;
accepted for publication 18.02.2024.